Глава 6

КАК ЖИЛИ В ПЕТРОВСКОМ ПЕТЕРБУРГЕ

Первое поколение петербуржцев: сподвижники и невольники

Какой же была первая городская толпа на улицах петровского Петербурга? А она, несомненно, уже была — город рос быстро, население непрерывно увеличивалось. В 1717 г. в Петербурге насчитывалось 2,5 тысячи, а в 1722 г. — около 5 тысяч дворов. Если считать, что в каждом дворе жило в среднем 5—6 человек, то число жителей увеличилось за семь лет с 12,5—15 тысяч до 25—30 тысяч человек. К 1725 г. общая численность населения достигала 40 тысяч человек. Эти данные считаются общепризнанными, они попали во все справочные издания [1] и, казалось бы, не могут быть изменены кардинально. Однако есть все-таки некоторые сомнения в их точности.

Первое поколение петербуржцев — вольных и невольных сподвижников Петра Великого — состояло из самых разных групп, основной из которых были служилые люди. Под этим термином в то время понимались многочисленные военные и гражданские чины, состоявшие на государевой службе, начиная с фельдмаршала и боярина и кончая казаками и татарами. Больше всего в Петербурге было солдат, офицеров гарнизонных и гвардейских полков. Считается, что их было не менее 14,5 тысяч,[2] то есть они составляли около трети жителей 40-тысячного города. Как уже говорилось, гарнизонные полки квартировали на Городской стороне, в солдатских слободах. По данным И. К. Кирилова, в петровское время в Петербурге было размещено четыре пехотных полка (Белозерский, Бахмеотов, Колтовский и Зезевитов, однако названия трех последних, производные от фамилии командиров, менялись) общей численностью 5,5 тысяч человек.[3] Гвардейцы — Преображенский и Семеновский полки (6,6 тыс. чел.), как и другие образованные позже гвардейские полки, селились на Московской стороне. Гвардию здесь было решено разместить в конце 1710-х гг., и тогда под поселения гвардейцев отвели земельные

[1] См.: Население // Санкт-Петербург—Петроград—Ленинград. Энциклопедический справочник. М., 1992. С. 417; *Семенова Л. Н.* Быт и население Санкт-Петербурга (XVIII век). СПб., 1998. С. 6.

[2] Там же.

[3] *Кирилов И. К.* Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1977. С. 46.

участки.[4] В октябре 1719 г. Петр лично осматривал «места на Московской стороне под селидьбу гвардии».[5] Солдатские слободы представляли собой более или менее регулярные поселки, разбитые на роты, ставшие позже улицами и переулками. Полковой и ротные дворы и пространство вокруг них были оживленным центром слободы. Многие семейные солдаты жили в избах на одну-две семьи, нередко с подселенными к ним одинокими солдатами. При этом, судя по имеющимся данным, военных в городе было гораздо больше 14,5 тысяч человек. Следовательно, и общее число жителей Петербурга было иным, чем принято считать.

Произведем подсчеты численности военных в городе по данным И. К. Кирилова на середину 1720-х гг. Кроме солдат упомянутых гарнизонных (5,5 тыс.) и гвардейских полков (6,6 тыс.), размещенных в городе (всего 12,1 тыс.), в Петербурге квартировало еще немало других воинских соединений, в том числе: сенатская рота (50 чел.), батальон Канцелярии от строений (250 чел.), артиллерийская рота (167 чел.), итого — 467 человек. Кроме того, при Адмиралтействе находился адмиралтейский батальон (748 чел. при полном комплекте 881 чел.), а также 516 матросов и офицеров. При корабельном флоте числилось 672 матроса и офицера, три роты солдат (315 чел.) — при галерах, 614 солдат — на галерной верфи. Итого — 3332 человека. Всего сухопутных и морских военнослужащих получается 15 432 человека.[6] Но и на этом мы остановиться не можем, ведь Кронштадт — часть Петербурга, тесно с ним связанная. В Кронштадте же при 56 кораблях «морских служителей налицо» было 9986 человек, в том числе 5291 матрос и 2504 солдата. В галерном флоте числилось 903 человека (в том числе 735 матросов). Среди адмиралтейских служащих при Кронштадте (их общее число — 1140 чел.) был 121 матрос, при госпитале 85 матросов и сержантов. Наконец, в Кронштадтской крепости числилось два пехотных гарнизонных полка — 2735 человек.[7] Всего в Кронштадте квартировало 13 830 офицеров, солдат и матросов. Вместе с теми военными, кто размещался в Петербурге, налицо 29,2 тысячи человек, то есть в два раза больше указанных в литературе цифр, а если признать, что в Петербурге жили 40 тысяч человек, то военных в нем было почти три четверти! Но это представляется маловероятным. Скорее всего общепринятая численность населения Петербурга (40 тыс. чел.) является весьма заниженной.

Иначе говоря, в толпе на улицах города матрос, солдат, солдатка, их дети и родственники встречались очень часто, и художник Федор Васильев в своем рисунке «Капрал докучает женкам» (начало 1720-х гг.) изобразил

---

[4] *Иогансен М. В.* К вопросу об авторе Генерального плана Петербурга петровского времени // От Средневековья к Новому времени: Материалы и исследования по русскому искусству XVIII—первой половины XIX века. М., 1984. С. 67.

[5] Походный журнал 1719 г. СПб., 1855. С. 107.

[6] Там же. С. 46—48.

[7] Там же. С. 54.

«Капрал докучает женкам». *Ф. А. Васильев. Начало 1720-х*

одну из обычных сценок на улицах Петербурга. К сожалению, не стала объектом бытовой живописи и нередкая в городе сцена порки у полковой избы или на Плясовой площади «за безмерным пьянством и хождением в неуказные часы» солдат, которых подбирали «валяющимися на улицах пьяными». Материалы об этом сохранились в архивах.[8]

Подьячие, канцеляристы, приказные — разве без них может жить государство, Россия, столица? Они сразу же завелись в Петербурге, городе, который первые восемьдесят лет не имел выборного управления. Впрочем,

[8] РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Д. 25. Л. 15.

канцеляристы тоже были служилые, подневольные люди — бывало, что предки Петра на престоле формировали из подьячих целые полки и бросали их на войну. Подьячие ехали в Петербург со своими приказами, канцеляриями, бумагами тоже без радости. Брали они с собой и свои семьи. Обычно чиновники удобнее других пристраиваются на новом месте, ведь любому начальнику всегда достанется лучший сухой шалаш — первый дом. А всякая канцелярская работа — это «серебряные копи», только умей их разрабатывать, да не жадничай — делись с вышестоящими. Словом, «крапивное семя» бюрократов быстро прорастало в скудной петербургской почве. Всего к концу петровского царствования, когда завершилась реформа государственных учреждений, в коллегиях и канцеляриях служило не меньше 2000 человек.[9] Крючкотворы обживали Мокрушу — местность там, где стоит Князь-Владимирский собор и где размещали в те времена городское управление, — а потом и Васильевский остров.

Отступление

Новый «Вавилон»

Как ни в одном другом русском городе, на улицах Петербурга было много иностранцев. Дорогу им в Россию открыла политика Петра, приглашавшего иноземцев разных профессий работать и жить в России, обещавшего им высокое жалованье, почет, уважение, религиозную терпимость. Все это было провозглашено в указе 1702 г., сохранявшем свою силу все царствование Петра Великого. Нет сомнений, разные люди приезжали в Россию и по-разному к ней относились. Одни ехали сюда «на ловлю счастья и чинов» и, заработав длинный рубль или разорившись дотла, с проклятьем покидали «дикую русскую столицу». Другие, окончив работу по контракту, продлевали его еще на несколько лет, потом еще и еще. Они женились здесь на русских, некоторые крестились в православную веру (а могли этого и не делать — петровские указы, вопреки традициям, разрешали иностранцам браки с русскими без перехода в православие, собственно, так вышла замуж за царевича Алексея Петровича лютеранка кронпринцесса Шарлотта). У них рождались дети — полунемцы, полурусские словом, будущие петербургские Карлы Иванычи XVIII—XIX вв. Здесь был простор для дела, огромные возможности обогатиться, сделать карьеру, испытать приключения.

Выходцы из Лондона и Гааги, Парижа и Митавы привыкали к этому городу, который, по их общему мнению, необыкновенно отличался от прочих городов России, был похож на западноевропейские города. Более

[9] *Анисимов Е. В.* Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб., 1997. С. 215.

того, многие иностранцы, поселившись в Петербурге, «заболевали Россией», на них как-то незаметно распространялось необъяснимое словами обаяние России, совсем неласковой даже к своим кровным детям Родины-матери. Непонятно, в чем заключается секрет этой «русской болезни»: в преодоленном ли страхе перед этим чудовищем, в сладкой остроте жизни «у бездны на краю», а может быть, в звуках русской речи, церковном пении (а позже — в гениальной русской литературе), в непревзойденных русских женщинах, в еще неоконченной русской истории... А может, — в русских песнях, русском застолье? Камер-юнкер герцога Голштинского Берхгольц, живший в Петербурге при Петре I, писал в дневнике, что они с приятелями немцами часто собирались за шнапсом и вчетвером пели... русские песни. Эту живописную картину можно дополнить: Берхгольц далее латинскими буквами написал первые строчки одной из песен: «Стопочкой по столику, стук-стук-стук!» Приезжие иностранцы, вместе с большим числом «инородцев», пленных шведов и жителей Эстляндии и Лифляндии придавали улицам города, построенного на границе расселения великорусской народности, интернациональный колорит. Современник отмечал, что на улицах слышна немецкая, русская, финская речь и что поэтому город похож на Вавилон. Действительно, с самого начала Петербург становился городом космополитичным, каким и бывали все столицы всех империй...